

ROMAN SZUBIN

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ» МИХАИЛА БАХТИНА В СВЕТЕ КОНСЕРВАТИВНОГО, ПРОГРЕССИВНОГО И МИФОТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

“HISTORICAL INVERSION” BY MIKHAIL BAKHTIN
IN THE LIGHT OF CONSERVATIVE, PROGRESSIVE AND MYTH-MAKING THINKING

The article is devoted to the study of one of the poorly studied and mysterious concepts of Mikhail Bakhtin — “historical inversion.” First of all, the origin of this concept is investigated, and the idea of inversion-revolution is considered in the work of Oswald Spengler’s “The Decline of the West.” Historical inversion is an attempt made by Bakhtin to criticize Aristotle’s doctrine of the entelechy. In a broad perspective, the concept touches upon confrontation on the West-East line. For a deeper understanding, an attempt is made to consider the “historical inversion” in the context of the opposition of progressive (Promethean), conservative (epimethean), and myth-making thinking within the framework of Vardan Hayrapetyan’s folk hermeneutics.

Keywords: historical inversion, anachronisms, conservative thinking, Vardan Hayrapetyan

Памяти Вардана Айрапетяна

Эта особенность проявляется прежде всего
в так называемой «исторической инверсии».

Михаил Бахтин

В 30-х годах XX века в работе *Формы времени и хронотопа* в романе Михаил Михайлович Бахтин всю четвертую главу *Проблема исторической инверсии и фольклорного хронотопа* уделил понятию, названному довольно странно: *историческая инверсия*. Это понятие явно периферийно в концептуальной системе Бахтина, но оно нашло развитие в фольклорной герменевтике Вардана Айрапетяна (1948–2019). В последнем телефонном раз-

говоре 2019 года с автором этих строк Вардан Айрапетян заметил, что историческая инверсия у Бахтина «так называемая» и завычена, следовательно, Бахтин цитирует или заимствует это понятие, но у кого? В данной статье я, с благодарностью вспоминая Вардана, попытаюсь дать запоздалый ответ на этот вопрос.

1. НА САМОМ ДЕЛЕ У БАХТИНА ТРИ ТИПА ИНВЕРСИЙ

Это сочетание действительно непривычно для образной лексики Бахтина. Слово «инверсия» отсылает к лингвистике и формализму, а определение «историческая» — к историческим школам в гуманитарной науке (Веселовский). От этих направлений Бахтин был одинаково далек. И вдруг сразу «так называемая историческая инверсия»¹. Инверсия в лингвистике, риторике и литературоведении — «фигура слова: нарушение 'естественного' порядка слов»² — обычно рассматривается на уровне фразы или композиции. Но какое это имеет отношение к истории?

За исключением указанного фрагмента в *Формах времени и хронотопа в романе* Бахтин еще несколько раз возвращается к этому понятию. В записях, озаглавленных издателями *К «Роману воспитания»*, упоминается инверсия, но на этот раз «характерологическая». В записях *К вопросам теории романа* можно найти интересную фразу: «Изображение современности как истории»³, безусловно, имеющую отношение к проблеме анахронизмов. А в *Разрозненных листах к «Формам времени и хронотопа»* упоминается «композиционная инверсия»⁴.

Последняя проливает свет на данное понятие: композиционная инверсия предполагает несоответствие порядка материала (хронологического, композиционного, литературного) в фабуле и сюжете. Показательным в этом плане называют рассказ Ивана Бунина *Легкое дыхание*. Анализ Льва Выготского бунинской новеллы также считается образцовым с точки зре-

¹ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе* // того же, *Собрание сочинений*, т. 3, Языки славянских культур, Москва 2012, с. 400.

² М. Гаспаров, *Инверсия* // А. Н. Николюкин (ред.), *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, НПК Интелвак, Москва, 2001, с. 303.

³ М. Бахтин, *К вопросам теории романа* // того же, *Собрание сочинений*, т. 3..., с. 598.

⁴ М. Бахтин, *Разрозненных листах к «Формам времени и хронотопа»* // того же, *Собрание сочинений*, т. 3..., с. 504.

ния функций временных перестановок в рассказе, создающих эффект легкости⁵.

Однако Бахтина интересует временное несоответствие, возникающие не в самом произведении, а на стыке разных сознаний: художественного, поэтического, мифологического, позитивистского, формалистского, научного; поэтому на проблеме композиционной инверсии он не задерживается. Более подробно, хотя и фрагментарно, происходит углубление в проблему характерологической инверсии.

2. ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ

Характерологическая инверсия представляет собой более сложный тип анахронизма, она формируется на определенном этапе становления романских канонов. Наиболее хлестко Бахтин говорит о романе воспитания, поскольку в нем герой дан в качестве свершившегося, заданного идеала в его противопоставлении живому процессу становления (если под становлением понимать собственно воспитание). Бахтин видит серьезное противоречие в том, что зрелость героя, на которой заканчивается процесс становления и воспитания, показана как конечный результат, но дана как исходный. Зрелость диктует автору (и герою), каким образом и чем должен закончиться процесс воспитания, выходящий в «репетицию», то есть повторение изученного, «упражнение в добродетель» и «закрепление наличного»:

Это время сжато и в сущности лишено становления. Биография дает развернутую личность, созревшую в смерти. Вся юность лишь предуказание зрелости. Момент становления и динамики вносится лишь как борьба склонностей и пороков (тоже под влиянием Аристотеля), как упражнение в добродетели, чтобы придать ей постоянство. Это — педагогическое становление, в сущности — *repetitio* — закрепление наличного. Основой остается устойчивая сущность заверщенного человека⁶.

Отсюда — завершенная зрелость характера есть подлинное начало развития. Здесь — начало своеобразной «характерологиче-

⁵ См. А. Жолковский, «*Легкое дыхание*» Бунина — *Выготского семьдесят лет спустя* // того же, *Блуждающие сны*, Наука, Москва 1994, с. 103–120.

⁶ М. Бахтин, *К «Роману воспитания»* // того же, *Собрание сочинений*, т. 3..., с. 327.

ской инверсии», оказавшей такое громадное влияние на судьбы последующей литературы⁷.

Это противоречие Бахтин пытается обосновать инверсией уже другого уровня — гносеологической — и переносит критику на Гегеля и Аристотеля, повлиявших на формирование просветительских канонов. Упреки в подмене касаются прежде всего учения Аристотеля об энтелехии (целеполагании) «как о последней цели, и в то же время — первой причине развития»⁸, «аристотелевского отождествления цели с началом»⁹.

3. ИНВЕРСИЯ ЛИ У АРИСТОТЕЛЯ?

Обратим внимание на то, что Бахтин ссылается на известное место в *Метафизике*, где Аристотель выводит идею «первопричины (перводвигателя, первого движителя)», называемого богом, «из конечной цели»; иногда она так и называется: «целевая причина»¹⁰. Для Аристотеля этот вывод связан с пониманием причины как эпистемы, особого знания о первых вещах.

Действительно, для Аристотеля первичность, изначальность мысли фундаментальна: «Ведь разумно считать, что ум есть самое изначальное и по природе главенствующее [...]»¹¹. И в результате получается, что цель «по сущности» предшествует началу «по становлению», а действительность предшествует возможности: «[...] по становлению पहले по форме и сущности (например, взрослый мужчина पहले ребенка, и человек — पहले семени, ибо одно уже имеет свою форму, а другое — нет) [...]»¹².

Однако в бахтинском понимании Аристотель совершает инверсию. Суть этой инверсии несколько иначе, но очень наглядно выразил Георгий Гачев, один из тех филологов, кто вначале 1960-х заново открыл и вернул Бахтина из забвения. Он понимает причину так, как если бы причина была локализована в будущем, а не в прошлом, и перенесена в начало силой инверсии:

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 237.

⁹ Там же, с. 394.

¹⁰ Аристотель, *Метафизика* // того же, *Сочинения в четырех томах*, т. 1, ред. В. Ф. Асмус, Мысль, Москва 1976, с. 185, 309, 364.

¹¹ Аристотель, *О душе* // того же, *Сочинения в четырех томах...*, с. 390.

¹² Аристотель, *Метафизика...* с. 246.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

«[...] явлена причина, которая дается потом», «[...] т.е. причина лежит во времени после»¹³, что делает мысль о причине вторичной по отношению к явлению.

Т.е. как причина она производит действие, но не надо ее вообразить себе как источник или толчок, (то все образы предшествования во времени), но как тягу, «при-точник» — то, что действует, будучи впереди во времени, обратно. Вспять, задним числом (выделено нами — Р.Ш.). Кстати, русское понятие «причина» эту идею «чина» как не того, откуда ис-ходят, а к чему при-ходят, — нам преподносит: под нос сует, а мы и не видим¹⁴.

Слова «вспять, задним числом», отсылающие к пословице «Русский мужик задним умом крепок», безусловно, подрывают и умаляют понимание причины как эпистемы, но иллюстрируют процесс инверсии. Инверсия всегда осуществляется задним числом, постфактум, и в этом пафос мысли Бахтина. В основе инверсии лежит перенос и подмена естественного хода вещей умственным порядком.

4. ПРОМЕТЕЕВ И ЭПИМЕТЕЕВ ПОРЯДКИ

Данное противоречие между логической и физической причиной можно разрешить, если мы обратимся к идее универсальной индоевропейской триады «мысль, слово, дело»¹⁵. Вардан Айрапетян предложил различать два порядка этой триады: «Прометеев порядок мысль слово дело это искусственный порядок главенства, обратный естественному порядку старшинства, эпиметееву»¹⁶.

Мысль выступает как первичная в прометеевом порядке этой триады м ы с л ь — с л о в о — д е л о, в то же время в «эпиметее-

¹³ Г. Гачев, *Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума»*, ИФ РАН, Москва 2004, с. 71.

¹⁴ Там же, с. 72. Особенности авторской пунктуации сохранены.

¹⁵ Об этом см. В.Н. Топоров, *К этимологии слав. *mysl'**, «Этимология» 1963, с. 11.

¹⁶ В. Айрапетян, *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, Москва 2011, с. 92, фрагмент в52. Учитывая фрагментарный характер книги и множество перекрестных ссылок, цитаты приводим в авторской пунктуации и вместо номера страницы указываем только буквенно-цифровое обозначение цитируемого фрагмента.

вом порядке дело — слово — мысль мысль фигурирует как производная и является продуктом деятельности, выводом, заключением. Оба порядка показывают различные уровни мысли, различное наполнение понятий слова и дела, хотя и могут совмещаться в одной эпохе, в одном человеке. Так, бессознательно действуя, человек поступает согласно эпиметееву порядку: сначала делает, а затем думает. А в диссертации доминирует прометеев порядок: сначала формулируются цели исследования, а затем проводится исследование.

Обобщая, можно сказать, что эпиметеев порядок показывает данность, естественный ход вещей, а прометеев — заданность, он же считается главным, рациональным, прогрессивным и революционным. Человек в ходе своей истории старается заменить эпиметеев порядок прометеевым:

Прометеевский переворот — смена порядка дело–слово–мысль на порядок мысль–слово–дело [«Сначала думай, потом говори (обсуждай), потом только делай»] — не просто пример или даже образец «исторической инверсии», он и есть эта инверсия, с него и начался современный человек, homo sapiens¹⁷.

Однако русская герменевтическая мысль в лице Бахтина, а затем Вардана Айрапетяна, Владимира Бибикина последовательно совершает так называемое «Эпиметеево возвращение» — возвращение к истокам, осуществляя возврат к консервативному мышлению, для которого «старшее есть главное»¹⁸. Поэтому неслучайно в философском наследии Бахтина оказалась тема исторической инверсии. Понятие исторической инверсии направлено против европейской мысли, базирующейся на Аристотеле, рационализме XVII века (Декарт, Бэкон, Паскаль), просветительстве XVIII века. По мнению Вардана Айрапетяна, западная просветительская мысль, ориентированная на все новое, на перевороты и революцию, приходит к «переименованию» и переименованию изначального естественного порядка (эпиметеева), что в свою очередь приводит к анахронизмам мифотворческого мышления: «[...] мифотворческое мышление, для

¹⁷ А. Григорян, *Первый, второй и третий человек*, Языки славянской культуры, Москва 2014, с. 490.

¹⁸ В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 521. Ср.: «Для консервативного мышления старшее есть главное, для революционного младшее есть главное, а для мифотворческого главное есть старшее (ср. «историческую инверсию»)».

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

которого главное есть старшее (выделено мной — Р.Ш.), первое по времени, начинает с конца-инога и производит из него всё; это и есть «историческая инверсия»¹⁹.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ, ИЛИ АБЕРРАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Итак, что же такое историческая инверсия по Бахтину?

Это «особенность ощущения времени», прежде всего романного времени (в художественном мышлении) и мифологического времени (в первобытном мышлении), вызванная противоречием между естественным ходом вещей и установленным извне, между событием и его осмыслением, между делом и сознанием, *ratio*. В дальнейшем у Бахтина речь пойдет о мифологии (мифотворчестве) и метафизике как околонуточных явлениях Нового времени.

Итак, речь идет об анахронизмах, вызываемых перестановкой или переносом в прошлое наших современных представлений (мифотворчество, утопия, миф о золотом веке), переносом в будущее современных представлений (эсхатология). Это явление, присущее историческому сознанию Нового времени, несколько позже Николай Бердяев назвал «абerrацией сознания»: «Эта абerrация сознания получается оттого, что мы на зарю человечества, на историю первоначального человечества переносим наше время»²⁰.

И хотя ярко анахронизмы раскрываются в литературном процессе и в мифологиях, Бахтин переносит явление «перестановки времени» на восприятие исторического процесса в целом:

Сущность такой инверсии сводится к тому, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т.п. Мифы о рае, о Золотом веке, о героическом веке, о древней правде; более поздние представления о естественном состоянии, о естественных, прирожденных правах и др. — являются выражениями этой исторической инверсии²¹.

Эта своеобразная «перестановка», «инверсия» времени, характерная для мифологического и художественного мышления разных эпох развития че-

¹⁹ В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 723.

²⁰ Н. Бердяев, *Смысл истории*, Мысль, Москва 1990, с. 33.

²¹ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 400.

ловечества, определяется особым представлением о времени, в частности, о будущем. За счет будущего обогащалось настоящее и в особенности прошлое²².

6. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ: КОНСЕРВАТИВНОЕ И ПРОГРЕССИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Однако понимание категории исторической инверсии осложнено тем, что Бахтин толкует ее двойственно: одновременно в аспектах критики и апологии, в консервативном и прогрессивном аспекте.

Так, сообщая, что инверсия за счет будущего обогащает, «интенсифицирует» настоящее и в особенности прошлое, Бахтин принимает прогрессивную сторону инверсии, но лишь в одной области — народном творчестве. «Интенсификация» прошлого за счет будущего приводит к «героизации»: представлению о богатырях как о больших людях, а о людях прошлого как о богатырях, ср.:

вся энергия чаемого будущего глубоко интенсифицировала образы здешней материальной действительности, и прежде всего образ живого телесного человека: человек рос за счет будущего (выделено мной — Р.Ш.), становился богатырем по сравнению с современными людьми («богатыри — не вы») наделялся невиданной физической силой, трудоспособностью, героизовалась его борьба с природой, героизовался его трезвый, реальный ум, героизовались даже его здоровый аппетит и его жажда²³.

Здесь для Бахтина решительным образом важны «движение вперед», прогрессивность установки на будущее. С этой перспективы то, что противоречит или препятствует «реальному» движению вперед, называется «исторической инверсией», взятой в отрицательном модусе, в консервативном аспекте.

К «консервативной» исторической инверсии Бахтин относит две направленности: (1) движение вспять, создание идеалов, утопий и мифов о прошлом из проекции настоящего и (2) «вертикальная надстройка», к которой относятся «потусторонне-идеальные, вечные и вневременные», то есть метафизические категории, выпадающие из настоящего момента истории.

²² Там же, с. 401.

²³ Там же, с. 402.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

Историческая инверсия в точном смысле слова предпочитает такому будущему с точки зрения реальности прошлое как более весомое, плотное. Вертикальные же потусторонние надстройки предпочитают такому прошлому вневременное и вечное как уже сущее и как бы уже современное²⁴.

О том, что метафизика тоже антиисторична, видно из следующей фразы в работе *Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве*: «[...] представлять себе должное и заданное как уже данное и наличное где-то, тенденция, создавшая мифологическое мышление, в значительной степени и метафизическое»²⁵.

При этом нетрудно заметить в противоречии между прогрессивным и консервативным аспектами исторической инверсии конфронтацию между народной, раблезианской и официальной, государственно-христианской культурами Средневековья, столкновение двух хронотопов, о которых Бахтин напишет позднее.

Действительно, если обогащение прошлого за счет будущего в фольклорной культуре у Бахтина называется «героизацией», то мифотворческие представления, возникшие в культуре Нового времени, воспринимаются как идеализация. В этом плане больше всего не повезло просветительскому понятию «естественность»: естественное право, естественный человек, естественное состояние. Под покровом естественности Бахтин видит скрытый механизм инверсии, или аберрации, подменяющей то, что «должно быть», изображением «как уже бывшего в прошлом», ср.:

Чтобы наделить реальностью тот или иной идеал, его мыслят как уже бывший однажды когда-то в Золотом веке в «естественном состоянии» или мыслят его существующим в настоящем где-то за тридевять земель, за океанами, если не на земле, то под землей, если не под землей, то на небе. Готовы скорее надстраивать действительность (настоящее) по вертикали вверх и вниз, чем идти вперед по горизонтали времени²⁶.

В ходе инверсии подлинный и данный естественный порядок подменяется заданным, идеальным и, по сути, антиисторическим:

²⁴ Там же, с. 401.

²⁵ М. Бахтин, *Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве* // того же, *Собрание сочинений*, т. 1: *Философская эстетика 1920-х годов*, Русские словари, Языки славянских культур, Москва 2003, с. 287.

²⁶ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 401.

Определяя ее несколько упрощенно, можно сказать, что здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого²⁷.

Итак, Бахтиным движет скрытая критика просветительских идеалов и идеи прогресса, присущей Новому времени. Но при этом нельзя не заметить переворота в собственных понятиях: то, что с точки зрения просвещения считается консервативным, для Бахтина подлинно прогрессивно: фольклор, растущий за счет будущего. А «официальную» идею прогресса Бахтин старательно дискредитирует, обвиняя ее в подмене понятий и абберациях разума.

7. ПРЯМИЗНА И КРИВИЗНА

В дальнейшей работе — в статье *О Флобере*, датированной 1944–1945 гг., — Бахтин подвергнет рефлексии саму идею движения вперед. Теперь для него «идти вперед» — значит, отрывать от истоков.

Действительно, в период, предшествовавший работе над книгой о Рабле, Бахтин позиционировал себя как прогрессист, он создавал диалогическую философию именно как прогрессивную, то есть не как отрицание, а продолжение широко понимаемой философской традиции Европы. Между тем переход к фольклору и к проблеме памяти заставил философа обратить внимание на «первобытные» интеллектуальные системы и критично отнестись к прямолинейности и линейности некоторых положений европейской науки, в частности, к идее прогресса. В статье о Флобере Бахтин склонен подорвать линейную или циклическую (скорее всего, спиралевидную) тенденцию прогресса:

Разная оценка движения вперед: оно мыслится теперь как чистое, бесконечное, беспредельное удаление от начал, как чистый и безвозвратный уход, удаление по прямой линии. Таково же было и представление пространства — абсолютная прямизна²⁸.

²⁷ Там же, с. 400 (выделено мной — Р.Ш.).

²⁸ М. Бахтин, <О Флобере> // *Собрание сочинений*, т. 5: *Работы 1940-х — начала 1960-х гг.*, Русские словари, Москва 1997, с. 135.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

Наряду с линейным развитием мысли, с прямизной, связанной с уходом от начал, Бахтин допускает «кривизну»: «иное мышление пространства», основанное на идее возвращения к началу, иное восприятие «первобытного мышления». Кривизна пути, допускающая «кривизну, загиб его на себя самого, и, следовательно, возможность возвращения к началу»²⁹, предполагает не отрицание прошлого, а использование его в качестве исходной позиции. Но такой порядок и может быть назван консервативным в айрапетяновском смысле слова, так как он позиционирует прошлое (историю) как старшее и подлинное образование, а настоящее (мысль) как младшее, новое и плюралистическое.

Казалось бы, что первобытное мышление насквозь пропитано мифотворчеством. Однако такой подход, в глазах Бахтина, ошибочен, так как он представляет результат исторической инверсии, допущенный рациональным подходом:

[...] первобытное мышление воспринимают только на фоне современного мышления, анализируют и оценивают в свете этого последнего; не делают контрольной попытки рассмотреть современное мышление на фоне первобытного и оценить его в свете последнего [...] ³⁰.

[...] допускается какое-то чудесное крайне резкое ускорение в темпах движения к истине за последние четыре века; расстояние, пройденное за эти четыре века, и степень приближения к истине таковы, что то, что было четыре века назад или четыре тысячелетия назад, представляется одинаково вчерашним и одинаково далеким от истины [...] ³¹.

Таким образом, вслед за Бахтиным, можно прийти к выводу, что прогрессивность, мыслящая настоящее единственным способом движения к истине, а прошлое — лишённым истины, лишает себя поддержки прошлого и поэтому глубоко инверсионна.

8. ИНВЕРСИЯ И ПРОБЛЕМА ЭСХАТОЛОГИИ

Эсхатология — один из видов утопического мышления, когда представления, сформированные в настоящем, переносятся

²⁹ Там же, с. 135.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 136.

в будущее. Эсхатология, по Бахтину, такая же замкнутая и неисторическая «вертикальная надстройка», как и метафизика; она являет собой «конец бытия», следовательно, конец становления:

Будущее здесь мыслится как конец всего существующего, как конец бытия (в его бывших и настоящих формах). В данном отношении безразлично, мыслится ли конец как катастрофа и чистое разрушение, как новый хаос, как сумерки богов или как наступление царствия Божия, — важно лишь, что конец полагается всему существующему, и притом конец относительно близкий. Эсхатологизм всегда мыслит себе этот конец так, что тот отрезок будущего, который отделяет настоящее от этого конца, обесценивается, утрачивает значение и интерес: это ненужное продолжение настоящего неопределенной длительности³².

Но не будем забывать, что эсхатология — неотъемлемая часть христианства и его линейного представления о времени, от начала к концу. И здесь Бахтин касается очень сокровенной для себя темы. Оставаясь глубоко христианским мыслителем и всегда шифруя христианские символы в своих работах, в главе об исторической инверсии Бахтин, казалось бы, проводит демонтаж веры как таковой, во множестве ее исторических проявлений: от канонической до сектантской веры, воспринимаемой как продолжение мифотворчества. Важные эпизоды христианской истории окружены теологемами и мифами, например, миф о Творении и рае и миф о конце времен и втором пришествии Христа. Однако в противовес этой, как уже говорилось, консервативной инверсионности, Бахтин намечает, осторожно обнажая, прогрессивную инверсионность: «чаемое будущее». Кем «чаемое», почему «чаемое»? Это слово всего единожды появляется в главе об исторической инверсии и намекает на Символ веры, его заключительное предложение: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Эта форма веры в открытое будущее, скорее всего, в представлении Бахтина отличается от веры в Царствие Небесное, установленное на земле, каковое мы можем наблюдать, например, у в высшей степени просвещенного предшественника и соотечественника Бахтина — Петра Яковлевича Чаадаева или, скажем, у непросвещенных русских сектантов — хлыстов.

Впрочем, данное представление об инверсии, затрагивающей механизм переворота в художественном, мифологическом или

³² М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 402.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

религиозном сознании, не делает ее «исторической». Почему же она все-таки названа исторической?

9. КОНФЛИКТ МЕЖДУ GESCHICHTE И GESCHENEN

Бахтинский фрагмент с эсхатологией содержит намек об истоках понятия историческая инверсия. От вагнеровских «сумерек богов» можно совершить всего один переход к «Закату Европы», а в статье о Флобере Бахтин напрямую говорит о Шпенглере. Именно у Освальда Шпенглера описывается ключевая оппозиция между историей и природой, «событием»/«действием» и «историей», «Geschehen» и «Geschichte»:

История есть вечное становление и, стало быть, вечное будущее; природа есть ставшее и, стало быть, вечное прошлое. Здесь, таким образом, случилась странная инверсия: первенство становления перед ставшим выглядит как бы упраздненным. Дух, ретроспективно озирающий из своей сферы, из ставшего, пройденный путь, переворачивает аспект жизни; идея судьбы, несущая в себе цель и будущность, оборачивается механическим принципом причины и следствия, центр тяжести которого лежит в прошедшем³³.

Напомним, что противодействие становления и ставшего является фундаментальной оппозицией в философии Бахтина.

Суть инверсии, по Шпенглеру, или как сказано в оригинале «eine seltsame Umkehrung»³⁴ («странный поворот», «превращение», «обращение вспять») заключается в ретроспективной попытке (духа) понять и осмыслить прошлое. Причем между обращением к прошлому (осмысление, память, воспоминание) и познанием Шпенглер ставит знак равенства: и то, и другое рассматривается в категориях причины и следствия.

Перемена обстановки, которую Шпенглер пытается зафиксировать в логических терминах, при этом поразительна: будущее и прошлое отличаются друг от друга радикально, словно это две различные истории. По сути своей, это так и есть, потому что термины «Geschehen» и «Geschichte» означают именно «исто-

³³ О. Шпенглер, *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*, перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К.А. Свасьяна, т. 1, Мысль, Москва 1998, с. 582.

³⁴ O. Spengler, *Der Untergang des Abendlandes*, C. H. Beck, München 1963, с. 499–500.

рию», но в одном случае как еще продолжающуюся, в другом — уже свершенную. Будущее проживается, прошлое познается: «Но нельзя жить обратно, обратно можно только мыслить»³⁵, — пишет учитель математики, сводя живую историю культуры к морфологической статичной системе. Пафос шпенглеровской когнитивной ретроспекции следует понимать таким образом, что познание, сопряженное со взглядом в прошлое, лишь механически воспроизводит историческую ситуацию, попутно переставляя в ней местами причину и следствие, и никак не может предопределить дальнейшего хода событий, взгляда в будущее; прошлое и будущее отделены друг от друга и необратимы.

Инверсионные отношения в случае Шпенглера это отношения как раз морфологического, если не математического свойства: A и B , где $B = -A$. Инверсионный тип взаимоотношения положен в качестве различительного критерия, в частности, между культурой Запада, иначе называемой фаустовской, и культурой Востока, иначе магической культурой. По Шпенглеру магическая культура, сосредоточенная на прошлом, представляет собой инверсию фаустовской, раскрытой навстречу будущему.

Но это и был уже казус западной — фаустовской — культуры с ее тоскливым взысканием бесконечных пространств: по существу, лишь «экстравертированная инверсия» обращенного в себя египетского бытия [...],

— пишет по этому поводу переводчик и философ Карен Свасьян³⁶.

В первой русской рефлексии на данную тему — работе четырех философов *Освальд Шпенглер и «Закат Европы»* (1922) — также выявлены критические моменты этой концепции. Уже процитированный Николай Бердяев едко замечает, что у самого Шпенглера, ощущающего себя исторически открытой личностью, нет собственно истории, а есть «морфология всемирной истории»³⁷. По мнению русско-немецкого философа Федора Степуна (Friedrich Steppuhn), автор *Заката Европы*, обвинивший историков в «субъективной аберрации», а именно: «все они пи-

³⁵ О. Шпенглер, *Закат Европы...*, с. 582.

³⁶ К. Свасьян, *Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // О. Шпенглер, Закат Европы...*, с. 29.

³⁷ Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.Я. Степун, С.Л. Франк, *Освальд Шпенглер и «Закат Европы»*, Книгоиздательство «Берег», Москва 1922, с. 61.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

сали историю с точки зрения современного человека [...]»³⁸, — допускает ту же самую аберрацию, делая морфологический метод прочтения мировой культуры единственным объективным мериллом всемирной истории.

Таким образом, вполне возможно допустить, что Бахтин также понимал антиисторический, по сути, инверсионный подход Шпенглера к истории, и проблему, выраженную немецким мыслителем, попытался применить к области художественного мышления. Поэтому и инверсия у Бахтина «так называемая историческая», содержит иронию и дистанцию по отношению к первоисточнику.

10. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ И ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ

Как мы уже писали, инверсию Бахтин воспринимал в прогрессивном и консервативном ключах.

В прогрессивном аспекте инверсия допустима, поскольку она связана с движением вперед, в будущее. В этом смысле ключевую роль играет память, создающая элемент «кривизны» и возможность обратной связи. Для Бахтина память настолько важна и прогрессивна, что, подобно двуликому Янусу, если обратиться к первому образу бахтинской амбивалентности из книги *К философии поступка*, глядит и в прошлое, и в будущее. Она связана с «кривизной», с движением вперед через постоянное возвращение к началу. Ср. фрагмент из текста *<Проблема постоянного эпитета>*:

Память. Не прямая линия, дуга. Кривизна не пространства, а становления, кривизна всякого события, его смысла в отношении времени. Вытянуть в одну прямолинейную линию вперед нельзя без насилия и искажения. Оно идет в двух направлениях: и вперед и назад, как дуги круга оно в обоих направлениях прогрессивно, ведет вперед к концу-началу³⁹.

А в статье *Рабле и Гоголь* Бахтин уверенно связывает память с будущим в контексте «большого времени»:

Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу («изначальность»), точнее, к обновлению на-

³⁸ Н.А. Бердяев и др., *Освальд Шпенглер и «Закат Европы»...*, с. 11.

³⁹ М. Бахтин, *<Проблема постоянного эпитета>* // того же, *Собрание сочинений*, т. 4(1), Языки славянских культур, Москва 2008, с. 751.

чала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его⁴⁰.

Бахтин пытается представить дело таким образом, чтобы не современность толковала прошлое, проецируя на него свои представления, а наоборот, чтобы «обновленное» прошлое толковало бы нас. В движении памяти вперед, очевидно, проявляется «умение видеть время», при котором явления, связанные с прошлым, «раздвигают зримое время в будущее»⁴¹. Это умение относится к художнику прежде всего, но и не только. На другом конце в диалог вступает современность: толкователь, историк, читатель. Вот как об этом пишет современный философ Эрих Соловьев:

И все-таки это свет из прошлого: благодаря усилию историка оно начинает толковать нашу жизнь. Тот, кого уже нет, выступает тем не менее в качестве живого участника диалога, в качестве исповедника, а иногда и проницательного психотерапевта, который впервые сталкивает современность с ее собственной горькой правдой⁴².

Итак, Бахтин полностью противопоставляет свою идею «возврата к началу» концепции познания, предложенной Освальдом Шпенглером. У последнего происходит подмена мнемонических представлений когнитивными; для Шпенглера «вспоминать» означает «устанавливать причину». У Бахтина же память вступает в диалог с современностью, осуществляя «бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает»⁴³.

11. ВЫВОДЫ

В работе *Формы времени и хронотопа в романе* проблема исторической инверсии застала философа в той точке эволюции

⁴⁰ М. Бахтин, *Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)* // того же, *Собрание сочинений*, т. 4(2), Языки славянских культур, Москва 2010, с. 518.

⁴¹ М. Бахтин, *К «Роману воспитания»...*, с. 292.

⁴² См. Э. Соловьев, *Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры)*, Политиздат, Москва 1991, с. 4–5.

⁴³ М. Бахтин, *Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов* // того же, *Собрание сочинений*, т. 6, Русские словари, Языки славянских культур, Москва 2002, с. 433.

взглядов, когда прогрессивно-рациональная идея и вера в будущее еще не изжили себя, а консервативная идеология фольклорной амбивалентности уже вступила в зону видимости. В результате сложился очень сложный рисунок идей вокруг понятия исторической инверсии. С одной стороны, Бахтин пытается демонтировать главный инструмент рационализма и просветительства — мысль, сползающую в мифотворчество, а с другой — выход к фольклору, погружение в его амбивалентные понятия, в его герменевтику представляются как продолжение научного прогресса, революционности мысли.

Дальнейшее развитие идей Бахтина показало, что герменевтическое начало стало побеждать собственно научное. Подрыв доминанции мысли (в прометеевом порядке) и возврат к словесности, критика европейских культурных и познавательных концепций посредством понятия исторической инверсии многогранна, имеет множество измерений. Одно из них — не рассмотренное здесь политический аспект. Ведь оформление главной советской философии в тридцатых годах XX века — «диалектического материализма» напрямую связано с переосмыслением истории с точки зрения доминирующей идеологии, созданием новой мифологии вокруг большевистских лидеров, установлением культа личности как правды в последней инстанции, переосмыслением начала революционного движения в России с точки зрения его конца (победы революции). Ведь все эти «перестановки» в итоге приводят к фальсификациям и подтасовке истории. А в результате происходит отход от подлинной историчности и уход в метафизические схемы.

Спасти от этого, по мысли Михаила Бахтина и Вардана Айрапетяна, может не новая идеология антикоммунистической направленности или нейтральная научная система, а возвращение к истокам, к подлинной естественности, которая есть фольклор, хотя бы и темный, с точки зрения просветительства, и амбивалентный, с точки зрения разума.

REFERENCES

- Ayrapetyan, Vardan. *Tolkuya slovo. Opyt germenevtiki po-russki*. Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011 [Айрапетян, Вардан. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011].

- Aristotel', *Sochineniya v chetyrekh tomakh*, t. 1. Ed. Asmus, Valentin. Moskva: Mysl', 1976 [Аристотель, *Сочинения в четырех томах*, т. 1, Ed. Асмус, Валентин. Москва: Мысль, 1976].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 1. *Filosofskaya estetika 1920-kh godov*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений в семи томах*, т. 1. *Философская эстетика 1920-х годов*. Москва: Языки славянской культуры, 2003].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 3. *Teoriya romana (1930–1961 gg.)*, Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений в семи томах*, т. 3. *Теория романа (1930–1961 гг.)*. Москва: Языки славянских культур, 2012].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 4 (1). *Fransua Rable v istorii realizma (1940). Materialy k knige o Rable (1930–1950-ye gg.). Kommentarii i prilozheniya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений в семи томах*, т. 4 (1). *Франсуа Рабле в истории реализма (1940). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения*. Москва: Языки славянских культур, 2008].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 4 (2). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'turasrednevekov'ya i Renessansa. Rable i Gogol' (Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura)*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений в семи томах*, т. 4 (2). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)*. Москва: Языки славянских культур, 2010].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 5. *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* Moskva: Russkiye slovari, 1997 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений в семи томах*, т. 5, *Работы 1940-х — начала 1960-х годов*. Москва: Русские словари, 1997].
- Bakhtin, Mikhail. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*, t. 6. *Problemy poetiki Dostoyevskogo, 1963. Raboty 1960-kh — 1970-kh gg.* Moskva: Russkiye slovari. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2002 [Бахтин, Михаил. *Собрание сочинений*, т. 6. *Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х — 1970-х гг.* Москва: Русские словари. Языки славянских культур, 2002].
- Berdyayev, Nikolay, and Bukshpan, Yakov, and Stepun, Fedor, and Frank, Semen. *Osva'd Shpengler i Zakat Yevropy*. Moskva: Knigoizdatel'stvo «Bereg», 1922 [Бердяев Николай, Букшпан, Яков, Степун, Федор, Франк, Семен. *Освальд Шпенглер и Закат Европы*, Москва: Книгоиздательство «Берег», 1922].
- Berdyayev, Nikolay. *Smysl istorii*, Moskva: Mysl', 1990 [Бердяев, Николай. *Смысл истории*, Москва: Мысль, 1990].
- Gasparov, Mikhail. "Inversiya." *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatij*. Ed. Nikol'yukin, Alexandr. Moskva: NPK Intelvak, 2001 [Гаспаров, Михаил. "Инверсия." *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Ed. Никольюкин, Александр. Москва: НПКи Интелвак, 2001].
- Gachev, Georgiy. *Osen' s Kantom: Obraznost' v «Kritike chistogo razuma»*. Moskva: IFRAN, 2004 [Гачев, Георгий. *Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума»*. Москва: ИФРАН, 2004].
- Grigoryan, Armen. *Pervyy, vtoroy i tretiy chelovek*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014 [Григорян, Армен. *Первый, второй и третий человек*. Москва: Языки славянской культуры, 2014].

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ»...

- Solov'yev, Erikh. Proshloye tolkuyet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury). Moskva: Politizdat, 1991 [Соловьев, Эрих. *Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры)*. Москва: Политиздат 1991].
- Spengler, Oswald. *Der Untergang des Abendlandes*, München: C. H. Beck, 1963.
- Spengler, Oswald. *Zakat Yevropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii*, t. 1. Svas'yan, Karen (perevod s nemetskogo, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya). Moskva: Mysl', 1998 [Шпенглер, Освальд. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. т. 1. Свасьян, Карен (перевод с немецкого, вступительная статья и примечания). Москва: Мысль, 1998].
- Svas'yan, Karen. "Osval'd Shpengler i yego rekvijem po Zapadu." Spengler, Oswald. *Zakat Yevropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii*, t. 1. Svas'yan, Karen (perevod s nemetskogo, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya), Moskva: Mysl', 1998: 5–123 [Свасьян, Карен. "Освальд Шпенглер и его реквием по Западу." Шпенглер, Освальд. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. Свасьян, Карен (перевод с немецкого, вступительная статья и примечания), т. 1, Москва: Мысль, 1998: 5–123].
- Toporov, Vladimir. "K etimologii slav. mysl'." *Etimologiya* 1963: 5–13 [Топоров, Владимир. "К этимологии слав. mysl'." *Etimologiya* 1963: 5–13]
- Zholkovskiy, Aleksandr. *Bluzhdayushchiye sny*. Moskva: Nauka, 1994: 103–120 [Жолковский, Александр. *Блуждающие сны*. Москва: Наука, 1994: 103–120].